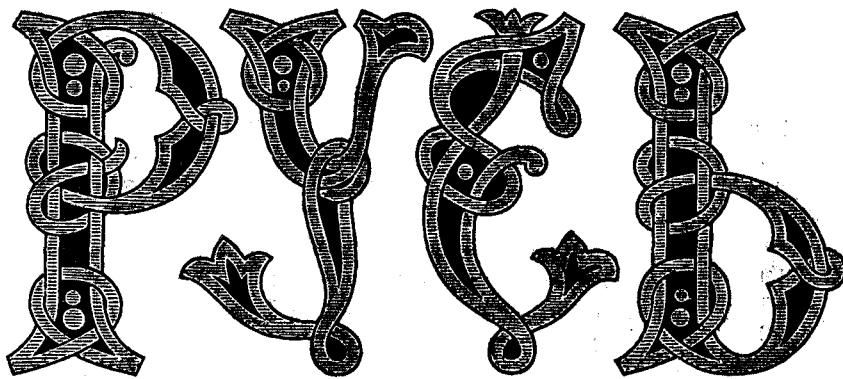




Редакция открыта ежедневно съ 10 ч. до 4., въ праздники съ 12 до 2 На рукописяхъ должны быть обозначены: фамилія, адресъ автора и условія. Редакция предоставляет себѣ сокращать рукописи, не напечатанныя хранить 3 мѣсяца, обратной пересылки на себя не принимаетъ.

Выходитъ еженедѣльно по субботамъ. Подписная цѣна: въ 12 мѣсяцевъ безъ доставки 7 р., съ доставкой и пересылк. иногороднымъ подписчикамъ 8 р., за границей въ Европѣ 11 р. Объявленія печатаются по особой тѣнѣ. Редакция и контора: Малая Никитская, д. церкви Воляш. Вознесенія.

Содержаніе: Пожертвованія. — МОСКВА, 14 марта. — Нѣкоторыя замѣчательныя мнѣнія печати. — **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ ИТОГИ:** I. Внутреннее обозрѣніе. — II. Областное обозрѣніе: Областная печать по поводу событія 1-го марта. — III. Политическое обозрѣніе. — Первое собраніе учителей русскаго языка. С.-Петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній (корреспонденція). Петербуржца. — Самоотрицаніе нашей школы (по поводу сѣзда попечителей учебныхъ округовъ). — И. Н. Павлова. — Письма о русскомъ крестьянствѣ. III. Дмитрія Кишенскаго. — „Счастливый уголокъ“. (по поводу статей г. Энгельгардта). Земледѣльца. — По поводу статьи г. Перелешина о мѣрахъ противъ народнаго пьянства. Ив. Т-чѣва. — Журнальное обозрѣніе. — **ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ:** Нѣсколько словъ о Ф. М. Достоевскомъ. А. Н. Майкова. — Обнищеванцы (Религіозное движеніе въ фабричной средѣ 1861—1881). Н. Лѣскова. — **КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:** Дѣтскія и учебныя книги. — Объявленія.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

На памятникъ въ Москвѣ Царю-Освободителю:

Отъ братьевъ Савостьяновыхъ 5 р., И. Л. Козьмина 2 р., Н. А. Яковлева 2 р., В. Н. Носакина 1 р. 50 к., П. И. Курнина 1 р., Я. Т. Костина 1 р., М. К. Лысенкова 1 р. 50 к., А. В. Воробьева 1 р., М. И. Соболева 2 р., У. Л. Ларионова 1 р., Г. Я. Буякина 1 р., В. В. Кокушкина 1 р., А. И. Царева 1. 50 к., А. К. Лысенкова 1 р., 50 к. Е. Т. Максимова 1 р., В. Е. Комарова 1 р., М. С. Бѣлова 1 р., И. В. Астахова 50 к., А. Ф. Нарышкина 50 к., Н. П. Павлова 50 к., Е. И. Попова 50 к., Е. Т. Максимова 50 к., Е. Ф. Зотова 50 к., С. Я. Боровина 50 к., А. Ф. Бутылина 50 к., В. И. Раевскаго 25 к., Е. Е. Ковалева 25 к., Н. С. Курапова 25 к., А. А. Аносова 30 к., К. Б. 5 р., отъ неизвѣстнаго 10 р., отъ Оли К. — 1 зол. въ 5 р., 1 въ 20 Франк. и 1 въ 10 мар.; отъ А. А. Слѣпцова 10 р.; отъ крестянина И. Михайлова 2 р.; отъ Е. Н. Б. 5 р.; отъ торговаго дома Д. Друженковъ, И. Колѣновъ и К^о 50 р.; отъ Л. А. Черновой 1 р. Итого 114 р. 05 к.

На сооруженіе храма въ Петербургѣ въ память мученической кончины Царя-Освободителя.

Отъ неизвѣстнаго 5 р.; отъ неизвѣстнаго 12 р.; отъ торговаго дома Д. Друженковъ, И. Колѣновъ и К^о 100 р. Итого 117 р.

На устройство пріюта въ память въ Бозѣ почившаго Государя при больницѣ для чернорабочихъ въ Москвѣ.

Отъ П. Смирнова 10 р.; отъ Ф. Савостьянова 5 р. Итого 15 р.

Въ пользу голодающихъ въ Самарской и Уфимской губерніяхъ:

Отъ А. Ф. К. 25. р.; изъ с. Смолинскаго, Верейскаго уѣзда, отъ священника І. Успенскаго, собранные въ церкви отъ прихожанъ и старосты церковнаго 20 р.; отъ Толи А. 3 р.; отъ получающаго

газету „Русь“ подъ № 902 2 р.; чрезъ священника Славскаго, отъ неизвѣстной 1 р.; отъ священника Александровскаго Института 5 р.; отъ Русскаго собранія въ Варшавѣ, собранные отъ продажи билетовъ на балъ 730 р.; отъ В. Абаза 25 р.; изъ Ростова - на - Дону, отъ священника К. 22 р.; изъ Ростовскаго на Дону уѣзда, отъ причта и прихожанъ с. Батайска, на поминаленіе раба Божіа Оеодора 18 р.; отъ священника І. Введенскаго для духовенства 3 р. и въ пользу крестьянъ 7 р.; отъ кр. В. Ф. 7 р.; отъ Н. М. Ц. 4 р.; отъ неизвѣстнаго 3 р.; изъ Подольскаго уѣзда, отъ священника В. Попова, собранные въ церкви 10 р.; изъ Рузскаго уѣзда, отъ священника Нечаева, собранные въ церкви въ пользу духовенства и крестьянъ 20 р.; отъ неизвѣстнаго 1 р.; изъ Воронежа, отъ М. Шуриновой 93 р. 51 к. (билетъ вост. займа во 100 руб.); отъ Коли, Лели, Кости, Лизы, Паши 25 р., отъ отца Іоанна 5 р. и отъ няни Матрены 1 р.; за упокой души нашего обожаемаго Монарха Александра II: отъ гг. акціонеровъ Кіевскаго земельного банка 1000 р.; изъ Золотоношскаго уѣзда, отъ жителей м. Еремѣвки: Н. Н. Ильшенко 15 р.; П. Г. Бѣланъ 10 р.; И. А. Сухомлина 5 р.; И. П. Юнакова 5 р.; П. Гуценко 1 р.; В. Іонова 1 р.; А. Славута 1 р.; М. Гостомилова 1 р.; К. Недзельскаго 1 р.; Гр. Ержковскаго 3 р.; М. Тукалинскаго 1 р.; А. Нештенкова 1 р.; Л. Юфа 1 р.; Д. Ловитанъ 2 р.; И. И. Юнакова 1 р.; М. Тихонова 1 р.; Г. И. Юнакова 1 р.; Г. Г. Мовчанъ 1 р.; И. Бондаря 1 р.; И. Чубова 1 р.; вдовы Гордѣенко 1 р.; Н. А. Чубова 1 р.; А. Гончаря 1 р.; Ф. Грицай 1 р., П. Левченко 25 к.; В. Пашенкова 30 к.; В. Красногляда 50 к.; Ивана 30 к.; А. Слупскаго 50 к.; А. Збарскаго 50 к.; О. Погребецкаго 50 к. и отъ NN 15 к.; отъ неизвѣстнаго 15 р.; изъ с. Орѣхова, Покровскаго уѣзда Влад. губ., отъ крестьянъ: Ф. Иванова 1 р.; И. Процаева 1 р. и П. Чуркина 1 р.; изъ Клинскаго уѣзда, Московской губ., отъ прихожанъ Георгіевской, что при озерѣ, церкви 30 р. и

священника Г. Розанова, для духовенства, 2 р. Итого: 2141 р. 51 к.; а съ прежними 28.840 р. 52 к. Изъ этой суммы неотосланныхъ 3140 р. 52 к.

Два письма изъ Саратовской губерніи.

I.

Мои прихожане, очень исправно занимающиеся хлѣбопашествомъ, за послѣдніе три года настолько разорились отъ неурожаевъ, что весьма многие въ полномъ смѣслѣ голодаютъ. Несчастіе это еще болѣе увеличилось тѣмъ, что 5 мая и 1-го іюня прошедшаго года 350 дворовъ, во время сильной бури, выгорѣли до тла со всякимъ въ нихъ имуществомъ. Теперь у нихъ ничего нѣтъ. Взрослые собираютъ милостыню за 300 и болѣе верстъ, а старыя и малютки живутъ въ темныхъ землянкахъ, гдѣ грязь, холодъ и смрадъ въ самомъ вѣрнѣйшемъ образѣ представляютъ могилу. Вереницы этихъ несчастныхъ осаждаютъ просьбами подать имъ хоть кусокъ хлѣба. Но гдѣ взять, чтобы подать имъ? Всякъ самъ въ нуждѣ, и они силошъ и рядомъ остаются голодными по суткамъ и болѣе. Пособіе отъ земства было самое малое, и то только за ноябрь и декабрь мѣсяцы 80 года, а теперь и того нѣтъ. Частныя пожертвованія было тоже немного. Теперь настаетъ распутица, и собирать милостыню будетъ невозможно, слѣдовательно придется ожидать самыхъ ужасныхъ послѣдствій голода. Иначе и быть не можетъ, потому что этимъ голоднымъ помочь некому.

Милостивый государь, вы приняли на себя священный трудъ помогать несчастнымъ голоднымъ сборомъ пожертвованій въ ихъ пользу, и изъ вашей достоуважаемой газеты „Русь“ видно, что это желанное дѣло увѣнчалось успѣхомъ. Не найдете ли возможнымъ удѣлить долю несчастнымъ моимъ прихожанамъ? Я, какъ пастырь ихъ и по долгу священства, смѣю увѣрить васъ, что они теперь въ самомъ жалкомъ состояніи, и помощь для нихъ необходима.

Адресъ: Въ г. Хвалынскѣ, Саратовской губерніи, въ село Апалиху настоятелю прихода, священнику Сергію Стефановичу Юнгерову.

Свящ С. Юнгеровъ.

1881 года 24 февраля.

Или переводъ изъ Виктора Гюго въ той же книжкѣ:

Онъ противны мнѣ, какъ яростны псы,
Терзающіи трупъ затравленной лисы.

Развѣ не видно изъ этихъ стиховъ, что рѣшмы къ нимъ выжаты съ усиленіемъ изъ совершенно прозаической головы?

Въ такой же степени поэтичны и остальные стихотворенія январскихъ журналовъ; встрѣчается въ нихъ много образовъ, но надо много старанія, чтобы запомнить послѣ прочтенія хоть одинъ изъ нихъ; все придумано, разсчитано на эффектъ и не производитъ эффекта.

Литературный отдѣлъ.

Нѣсколько словъ о Ф. М. Достоевскомъ.

(Читано въ публичномъ засѣданіи Петербургскаго Славянскаго Общества 14 февраля).

Милостивые государи!

На похоронахъ Феодора Михайловича многіе выражали то же желаніе, говорили даже, что я *долженъ* сказать что-нибудь о покойномъ: я тогда отвѣчалъ, что это мнѣ очень трудно. Теперь прошло нѣсколько недѣль, — я чувствую то же затрудненіе. Можетъ быть причина этого затрудненія заключается въ слишкомъ близкихъ и слишкомъ давнихъ моихъ отношеніяхъ къ покойному. Потомъ, вотъ чего боюсь: очень часто случается, что желая говорить о знаменитомъ покойникѣ, говорящіе болѣе высказываютъ себя, чѣмъ изображаютъ его; мнѣ бы не хотѣлось впасть въ эту ошибку, — но едва ли возможно мнѣ ея избѣгнуть — именно вслѣдствіе близкихъ нашихъ отношеній. Они установились почти съ самаго появленія въ печати „Бѣдныхъ людей“, прервались въ 49-мъ году на много лѣтъ; но возобновились тотчасъ же по возвращеніи Феодора Михайловича изъ Сибири. Годы проведенные имъ за границей, съ 1867 года по 1871 включительно, вызвали между нами постоянную переписку, которая еще болѣе закрѣпила въ насъ общность идей и взглядовъ, симпатій и антипатій, такъ что по возвращеніи его изъ-за границы въ Петербургъ *видаться* часто сдѣлалось нашею взаимною потребностью. Но мы видались, говорили и переписывались какъ всѣ простые скромные смертные, — ничего не подозрѣвающіе. Смерть порвала эти бесѣды — и вдругъ надъ гробомъ Феодора Михайловича раздался всеобщій голосъ публики, и не только здѣшней публики, но всей читающей Россіи, что этотъ мой давній собесѣдникъ, другъ и пріятель — гений, что онъ въ своихъ трудахъ принесть цѣлое откровеніе; молодежь называетъ его своимъ учителемъ, ораторы провозглашаютъ его — пророкомъ, Его берутъ такъ-сказать отъ его близкихъ, отъ спутниковъ его жизни, чуть не отъ семьи, и объявляютъ его достояніемъ цѣлой Россіи. Чтѣ намъ остается дѣлать при громѣ этого приговора, несущагося со всѣхъ сторонъ, отъ всѣхъ возрастовъ, со всѣхъ ступеней общества — намъ, его бывшимъ друзьямъ? Намъ остается только отступить, сквозъ слезы радоваться за усопшаго друга, и присоединить свой голосъ къ общему голосу.

Но вмѣстѣ съ этимъ и мы, бывшіе близкіе люди, получили особенное значе-

ніе, мы вдругъ очутились въ совсѣмъ особенномъ положеніи. Къ намъ предъявляются уже совсѣмъ новые для насъ вопросы. Отъ насъ хотятъ услышать интимныя подробности о покойномъ. Отъ насъ ждутъ множества отвѣтовъ на множество вопросовъ, которые даже едва ли кто формулировать можетъ. Всѣ какъ будто вдругъ открыли Достоевскаго, и всѣ поскорѣй („главное поскорѣй“, какъ говорилъ покойный) хотятъ узнать и опредѣлить чтѣ такое Достоевскій? „Все, все скажите“, говорятъ намъ.

Но близкіе люди, чтѣ они скажутъ, застигнутые врасплохъ? Спросите Анну Григорьевну о Феодорѣ Михайловичѣ — она скажетъ: „ахъ, какой это былъ мужъ! какъ онъ меня любилъ, какъ я его любила.“ Друзья чтѣ скажутъ? Ихъ отвѣты будутъ детальныя, отрывочныя, анекдотическіе пожалуй, а никакъ ужъ не отвѣчающіе на предъявленные вопросы. Словомъ, отвѣты не интересные. Чтѣ до меня по крайней мѣрѣ, я бы никогда ими не удовлетворился.

О великихъ людяхъ, о великихъ писателяхъ мнѣ не особенно интересно знать, въ какомъ домѣ они жили, какое платье носили, видѣть вещи, имъ принадлежавшія; въ старину, бывало, цѣнились табакерки, изъ которыхъ они нюхали табакъ, шляпы, чернильницы, перья, и т. д. Вся мелочная обстановка ихъ жизни, это — только краски, птрихи, подробности. Для меня всегда важнѣе внутренній міръ писателя, и особенно русскаго писателя, его идеалы, нравственные, философскіе, политическіе, его пониманіе Россіи, ея значенія въ мірѣ, ея исторіи; мнѣ интереснѣе этотъ такъ-сказать идеальный очеркъ писателя, его душевный и уметвенный портретъ. Но дадутъ ли вамъ его близкіе люди? И къ нимъ ли надобно обратиться, чтобы его составить и нарисовать? Нѣтъ, всякій можетъ лучше сдѣлать это самъ, и обратиться не къ пріятелямъ, а къ самому лицу, о которомъ хочешь узнать. А это лицо — не умерло. Писатель, художникъ, мыслитель живетъ въ своихъ произведеніяхъ. Читайте ихъ, вдумывайтесь въ нихъ, разгадывайте смыслъ выведенныхъ ими образовъ, прочтите въ нихъ недосказанное — и вы войдете въ самыя тайники души писателя, и узнаете его, можетъ быть, лучше, чѣмъ его близкіе, узнаете изъ нихъ болѣе, чѣмъ изъ всей его обстановки, трудолюбиво составленной біографіи, болѣе даже, чѣмъ изъ посмертной переписки, ибо въ письмахъ человекъ пишетъ иногда подъ вліяніемъ минуты, иногда шутки, и шутка принимается за серьезное: вѣдь напечаталъ же одинъ педагогъ (а другой перепечаталъ) о Батюшковѣ на основаніи его собственноручнаго письма, что поэтъ „былъ честолюбивъ и жаждаль чиновъ и отличій“. Педагогъ шутки-то не понималъ.

Но однакъ же мы бесѣдовали съ нимъ по многимъ часамъ въ теченіи многихъ лѣтъ, вырабатывали сообща многія идеи, спорили, судили другъ друга, помогали такимъ образомъ одинъ другому уразумѣвать вещи. Текуція дѣла, отдѣльные случаи частной и общей жизни, великія событія, которые мы пережили во внутренней жизни нашего отечества и на міровомъ поприщѣ, — все это приводилось къ своему всемірно-историческому значенію; все мелкое, случайное, преходя-

щее приводилось въ логическую связь съ общимъ началомъ. Узнать прошедшее, чтобы понять настоящее и угадать будущее, — вотъ чтѣ было характеромъ бесѣды Феодоромъ Михайловичемъ; дойти до *пониманья* — вотъ къ чему онъ стремился, вотъ чего онъ желалъ всѣмъ. „О, если бы только люди *поняли*“, — на землѣ былъ бы рай“, говаривалъ онъ. Мы ужъ знали, чтѣ значило это „если бы люди *поняли*“, т. е. чтѣ именно поняли? — Да полагаю, что догадываетесь и вы, милостивые государи. Это онъ говорилъ о людяхъ вообще, о родѣ человѣческомъ. Но сердце его въ особенности горѣло по Россіи. Разъ я прочелъ ему одно мое стихотвореніе, обращенное когда-то мною къ Ф. И. Тютчеву — вотъ это стихотвореніе: Народы, племена, ихъ гений, ихъ судьбы, Стоять передъ тобою своей иден полны, Какъ вдругъ застывшія въ разбѣгѣ бурномъ волны, Какъ въ самый жаркій мигъ отчаянной борьбы

Окаменѣвшіе атлеты....

Ты видишь ихъ насквозь, ихъ тайну ты постигъ,

И ясенъ для тебя и настоящей мигъ, И тайныя грядущаго обѣты....

Но грустно зрѣяму бродить между слѣпыхъ, Твердить: „*Поймите лишь* — и будетъ вамъ прозрѣніе!

Поймите лишь, какихъ носители вы силъ, И путь освѣтится, и упадутъ сомнѣнья, И дастся вамъ само, чтѣ жребій вамъ сулитъ!..

Феодоръ Михайловичъ воскликнулъ: „Да, да, *поймите лишь*! именно, именно, только бы *поняли*! Да нѣтъ, не поймутъ! Знаете, если у насъ чтѣ и дѣлаютъ иногда какъ слѣдуетъ, такъ это по инстинкту, а не сознательно, Николай Чудотворецъ дѣлаетъ.... А чтѣ жъ вы думаете, продолжалъ онъ, — многіе насъ понимаютъ? Все, молъ, это квась! шовинизмъ! мистицизмъ! искусство для искусства!..“

Послѣ кликовъ, рукоплесканій и вѣнковъ, которыми удостоивали его на публичныхъ чтеніяхъ, опять онъ говаривалъ: „да, да, все это хорошо, да все-таки *главнаго* не понимаютъ!“

Теперь, послѣ торжественныхъ похоронъ, послѣ громкихъ рѣчей, послѣ множества хвалебныхъ статей въ газетахъ и журналахъ — невольно въ памяти моей выступаетъ опять этотъ же вопросъ, который задавалъ довольно часто Феодоръ Михайловичъ: а многіе ли понимаютъ его и понимаютъ ли то, чтѣ онъ называлъ *главнымъ*?

Отвѣчать на себя не беру, но кончу мою бесѣду анекдотомъ, какъ любилъ, бывало, кончать серьезную рѣчь покойникъ.

Одинъ почтенный совѣтникъ, который былъ знакомъ съ Достоевскимъ до исторіи Петрашевскаго и не видался съ нимъ и по возвращеніи Феодора Михайловича изъ Сибири до прошлаго года, встрѣтился съ нимъ въ одномъ блестящемъ обществѣ.

Старые пріятели, отрекомендованные другъ другу, вспомнили старое знакомство, завязался весьма дружескій разговоръ — пріятель сказалъ:

„Какое однако несправедливое дѣло было эта ваша ссылка.“

— „Нѣтъ, коротко, какъ всегда, обрѣзываетъ Достоевскій — нѣтъ, справедливое.

Насъ бы осудилъ русскій народъ. Это я почувствовалъ тамъ только, въ каторгѣ. И почему вы знаете — можетъ быть тамъ, на Верху, т. е. Самому Высшему, нужно было меня привести въ катаргу, чтобы и тамъ что-нибудь узнать, т. е. узнать *самое главное*, безъ чего нельзя жить, иначе люди съѣдятъ другъ друга, съ ихъ матеріальнымъ развитіемъ; ну-съ, и что-бы это *самое главное* я *вынесъ* оттуда, потому что оно пока скрывается только въ народѣ, хоть онъ гадокъ, воръ, убійца, пьяница; такъ чтобы я *вынесъ* это оттуда и другимъ сообщить, и чтобы другіе (хоть не всѣ, хоть очень немногіе) лучше стали хоть на крошечку — хоть частичку бы приняли, хоть бы поняли, что въ *бездну* стремятся, и этого довольно. И этого ужъ много. И изъ-за этого стоило пойти на каторгу“.

Какое же впечатлѣніе произвелъ на совѣтника этотъ взглядъ Феодора Михайловича на роковое событіе его жизни, взглядъ, не разъ такъ или иначе выраженный имъ въ его „Дневникѣ Писателя“? Совѣтникъ, отойди отъ Достоевскаго, съ искреннѣйшимъ сожалѣніемъ, качая головою, говорилъ его окружающимъ:

— Экая жалость, экая жалость!

— Чтѣ такое?

— Да вотъ, Достоевскій — совсѣмъ сумашедшій. Богъ знаетъ какой мистицизмъ несетъ.

Къ чему жъ этотъ анекдотъ?

Да просто къ тому, чтобы выразить надежду, что такихъ совѣтниковъ не много *).

А. Майковъ.

Обнищеванцы.

(Религіозное движеніе въ фабричной средѣ 1861—1881 **).

IX.

Проповѣдь Исаича фабричнымъ шла безъ большой публичности, такъ сказать кустарнымъ способомъ, у себя въ коморчкѣ. Фабричные товарищи Исаича, признавъ его несомнѣнное богоизбранничество, доказанное его непобѣдимую силою въ раздачѣ имѣнія, стали ходить къ нему по праздникамъ на его тѣсную квартирку и слушали въ здѣшней тѣсотѣ его „про-

*) Этотъ рассказъ А. Н. Майкова напоминаетъ и намъ слѣдующій случай. Какъ-то разъ, проѣзжая черезъ Москву, Достоевскій зашелъ къ намъ и съ увлеченіемъ разговаривалъ о покойномъ Государѣ Николаѣ Павловичѣ, о томъ, какъ на фонѣ прошлаго величаво рисуется этотъ историческій образъ Монарха, вѣрившаго въ свой санъ и свое право, и какъ сочувственъ ему этотъ образъ. Во время разговора вошелъ извѣстный англійскій путешественникъ Уоллесъ Мэкензи, прожившій передъ тѣмъ уже года три въ Россіи, отлично выучившійся по русски и знакомый съ русскою литературою. Когда онъ узналъ, что передъ нимъ Достоевскій, онъ загорѣлся любопытствомъ и съ жадностью сталъ слушать прерванную было и снова возобновившуюся рѣчь Феодора Михайловича о Николаѣ Павловичѣ. Достоевскій продолжалъ говорить, не обращая вниманія на Англичанина и искорѣ затѣмъ уѣхалъ... „Вы говорите, что это Достоевскій?“ спросилъ насъ Англичанинъ. — Да. — „Авторъ Мертваго Дома?“ — Именно онъ. — „Не можетъ быть. Вѣдь онъ былъ сосланъ на каторгу?“ — Былъ. Ну, чтѣ же? — „Да какъ же онъ можетъ хвалить человека, сославшаго его на каторгу?“ — Вамъ иностранцамъ это трудно понять, отвѣчали мы, а намъ это понятно, какъ черта вполнѣ національная... Ред.

**) Продолженіе. См. №№ 16 и 17 „Русь“.